

УДК 930(=161.3)(470.6)

О. В. Матвеев

Кубанский государственный университет

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ БЕЛОРУСОВ
К ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ)**

В статье на основе опубликованных и архивных документов, фольклорных текстов рассматриваются вопросы адаптации белорусов к этносоциальной и природной среде в условиях военно-административного освоения Российской империей Кавказа. Автор приходит к выводу, что служение интересам многонациональной империи ставило солдат и офицеров белорусского происхождения в положение связующего звена между Россией и родиной, а адаптация в местном этнокультурном пространстве вводила в среду особой общности «кавказцев». При этом восприятие друг друга двух восточнославянских народов обнаруживает не непреходимые барьеры, а стыковые зоны непростого, но благотворного общения, которое создавало условия для компромиссного существования в рамках единого государства.

Ключевые слова: адаптация, этнокультурное пространство, Кавказская война, национальная идентичность, субкультурная характеристика.

O. V. Matveev

Kuban State University

**SOME ASPECTS OF ADAPTATION BELARUSIANS
TO ETHNO-SOCIAL AND NATURAL ENVIRONMENT
(FOR EXAMPLE OF THE CAUCASIAN WAR)**

On the basis of published and archival documents, folklore texts considered Belarusians issues of adaptation to the ethno-social and natural environment in terms of military and administrative development of the Caucasus by the Russian Empire. The author comes to the conclusion that serving the interests of the multinational empire the soldiers and officers of Belarusian origin to position a bridge between Russia and the homeland, and the adaptation to local ethnocultural space introduced on Wednesday a special community of "Caucasians". This perception of each other two eastern Slavic peoples finds no impassable barriers, and abutting a difficult area, but beneficial dialogue, which created the conditions for the existence of a compromise within the framework of a single state.

Key words: adaptation, ethno-cultural space, the Caucasian war, national identity, subcultural characteristics.

Введение. В современных интерпретациях русско-белорусских отношений в XIX в. концепция исторически сложившегося единого этнокультурного пространства восточнославянских народов нередко подвергается нападкам. Так, польский исследователь Р. Радзик считает, что «белорусский православный крестьянин, даже перенимая русский язык, не осознавал себя русским. Частично это вытекало из отождествления русских с государственной властью, прежде всего с армией» [1, с. 46]. При этом упускается из виду, что белорусы служили в Императорской армии, отстаивали и защищали единое Отечество. Если бы все они, возвращаясь домой, приобретали статус «москалей» (в белорусско-русском словаре И. И. Носовича 1870 г. одно из значений слова «москаль» – русский солдат [2]), «чужаков», растерявших «национальное самосознание», то от белорусского народа скоро ничего бы не осталось. В данной работе предпринята попытка характе-

ристики самоощущения белорусов в контексте их вовлеченности в Кавказскую войну.

Основная часть. В литературе можно встретить мнение о том, что белорусы попали в Отдельный Кавказский корпус за участие в польском восстании 1830 г. Однако официальные данные говорят о том, что подавляющее число солдат из Виленской, Ковенской, Могилевской, Минской и других белорусских губерний были призваны в качестве рекрутов. Из сохранившейся в бумагах А. М. Дондукова-Корсакова ведомости явствует, что в 1835–1846 гг. в Отдельный Кавказский корпус было призвано 14 430 выходцев из западных губерний. Число же участников восстания 1831 г., прибывших в Отдельный Кавказский корпус, по подсчетам польского историка В. Цабана, составило всего 1865 человек. Нехитрый подсчет показывает, что призванные на действительную службу в обычном порядке из польских, украинских и белорусских губерний почти в восемь раз

превышали число участников вооруженных выступлений против царской власти.

Попадали белорусы и в ряды кавказского казачества, которое находилось на переднем крае противостояния с горцами. Активное участие в заселении Кавказской линии приняли белорусские поветы Черниговской губернии. К сожалению, в уже значительной историографии, посвященной переселенцам из малороссийских губерний на Северный Кавказ в первой половине XIX в., этот интересный вопрос специально не рассматривался [3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Между тем, еще подполковник Генерального штаба М. Домонтович, составивший в 1865 г. статистико-этнографическое описание Черниговской губернии, отмечал, что в Мглинском, Суражском, Новозыбковском, Стародубском и отчасти Городнянском уездах этой губернии был представлен «чистый тип белоруса в полной силе» [8, с. 533]. «В Малороссии, – констатировал тот же автор, – жители задесенской части Черниговской губернии известны под общим названием «литвинов». Этим именем малороссыяне зовут вообще всех белорусов, полагая отличительными их чертами: в говоре – дзеканье, а в одежде – белый цвет и лапти. Признаки эти имеют и черниговские литвины, отличаясь ими от коренных малороссыян» [8, с. 532]. Поэтому определенная часть «черниговских литвин» оседала и в казачьих станицах Старой и Новой линий [9, с. 276–277; 10, с. 13, 22, 76, 104].

Офицерский состав Кавказского Линейного казачьего войска также нередко пополнялся в первой половине XIX в. представителями белорусской шляхты [11, л. 6 об.; 12, л. 675; 13, л. 195 об.; 14, л. 112 об.]. Их «белорусскую» идентичность выявить достаточно сложно, поскольку дворянство западных российских губерний в этот период оставалось во многом ориентированным на польскую культуру и католицизм [15, с. 105]. Однако это не мешало им быть храбрыми казачьими офицерами и незаурядными администраторами, гармонично включавшимися в формируемое местное этнокультурное пространство [16, л. 12]. Так, уроженец Гродненской губернии был знаменитый атаман Кавказского Линейного казачьего войска Феликс Антонович Круковский, ставший героем многочисленных песен и преданий кубанских и терских казаков. Войцех Фомич Побоевский из дворян Минской губернии стал начальником Воздвиженской станицы [13, л. 169 об.]. В 1860 г. начальником ст. Михайловской был хорунжий Иосиф Игнатьевич Садлуцкий из дворян Могилевской губернии Мстиславского уезда [17, л. 347 об.].

Большинство офицеров и солдат белорусского происхождения, служивших в Дагестане,

Чечне, в укреплениях Черноморской береговой линии, добросовестно выполняли свой воинский долг. Документы фонда дают немало свидетельств о боевой доблести белорусов в боях с горцами. Так, Иван Матвеевич Банковский являлся кавалером орденов Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, имел серебряную медаль за турецкую кампанию. Он происходил «из вольноопределяющихся Ковенской губернии города Шевич». В службу вступил в 1820 г., с переводом в марте 1841 г. в Черноморский Линейный 4-й батальон его служебная карьера пошла по нарастающей: 15 июня 1842 г. пожалован «за отличие по службе капитаном», 16 июля 1846 г. «за отличие по службе майором», 23 декабря 1846 г. «за примерный подвиг противу горцев подполковником». И. М. Банковский находился «в 1845 году июля 30 числа при отражении горцев, сделавших сильное нападение на форт Головинский; в 1846 году ноября 28 при штурме форта Головинского скопищем горцев в 6000 человек в мужественной обороне гарнизона того форта в 500 человек при совершенном поражении неприятеля, отступившего с значительною потерей и за оказанное в этом деле мужество пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени и полугодовым денежным жалованием» [18, л. 2].

Подпоручик Александр Викентьевич Галисевич (из дворян Гродненской губернии) в 1845 г. участвовал «в перестрелках с горцами, 23 января напавших на команду, высланную из форта Навагинского для рубки дров, 3 апреля с пикетами и командою, высланной для работ на огородах, 21 декабря при отражении горцев, напавших на команду, высланную для рубки дров. За отличие, оказанное в этих перестрелках, Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [19, л. 126].

Комендант крепости Новороссийск Марк Константинович Ясинский (из дворян Могилевской губернии) за отличие по службе в 1832 г. был пожалован чином подполковника, а 16 ноября 1839 г. произведен «за отличие в делах против горцев в полковники».

В боях и походах Кавказской армии белорусы хорошо вписывались в местные условия, становились обладателями общенациональной идентичности. О стрелке 1-й роты 19-го стрелкового батальона Алексееве дореволюционный военный историк С. С. Эсадзе писал: «Он был родом белорус, солдат бедный; закалившись в своих родных лесах, Алексеев одарен был железным здоровьем и во время действий батальона в лесах он чувствовал себя как у себя дома: при наступлении всегда был впереди, при отступлении

всегда из последних показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примерная служба всем в батальоне была известна, и вот когда прислали командиру один Георгиевский крест, то командир наградил им Алексеева» [20, с. 91]. В процитированном тексте примечательны два обстоятельства. Во-первых, отмечена способность солдат из западных лесных губерний адаптироваться к кавказской природно-географической среде. Кубанский этнолог М. В. Семенцов справедливо отмечает, что адаптация к внешней среде, основанная на традиционном природопользовании, способствует формированию нового этнокультурного пространства [21, с. 73]. Во-вторых, мы видим, что белорус Алексей полностью усвоил систему ценностей и своеобразный кодекс Георгиевских кавалеров Российской Императорской армии, и, несмотря на бедное происхождение, обладал высоким чувством собственного достоинства. С. С. Эсадзе сообщает, что рота очень была довольна награждением Алексева и встретила нового кавалера недружелюбно. Дело в том, что по обычаям кавказских войск раздачу крестов поручали самой роте. При этом обычно «выбор падал на отличившегося солдата из старослужащих, которые обязаны были после оказанной им чести устроить роте магарыч – угостить водкой». Сводивший концы с концами Алексей не мог позволить себе организовать такую пирушку. Однако вскоре он сумел доказать, что товарищи к нему несправедливы. При штурме устроенного горцами завала он бросился один против трех горцев, одного застрелил, другого заколол, а третьего обратил в бегство. «Когда Алексева спросили, – отмечает историк, – почему он не пользовался оружием с убитых им горцев, он ответил: «Ваше дело рвать, а мне стыдно – я кавалер». После этого геройского подвига Алексей пользовался общим уважением батальона» [20, с. 92].

В выстраивании белорусской традиционной культурой образа русского в XIX в. исследователи Ю. Борисенко и В. Лобач акцентируют внимание на представлениях о «москале» как одном из наиболее опасных чужаков [1, с. 49]. Однако фольклорная картина мира далеко не всегда совпадает с реальной. В белорусских сказках характеристика «москаля» относится не к этническому образу, а к субкультурной характеристике этого персонажа – к его солдатству. Поэтому правы исследователи, утверждающие, что сказочный «москаль» мог быть и белорусом, и украинцем, а связь с Москвой означает принадлежность к российской армии [22, с. 207]. Москаль, благодаря своей мобильности и инициативности, в белорусских сказках выполняет во многом роль культурного героя, обучает му-

жика практическим и полезным навыкам. Неоходим Москаль мужику и в плане самопознания [22, с. 213]. Белорусский сказочный Москаль не только не инородец, но и не иноверец.

Характерно, что в белорусских рекрутских песнях народ с уважением относится к Царю – общенациональному символу народов России в то время. В тексте, записанном в деревне Дровошев Германишской волости Вилейского уезда Виленской губернии, солдаты откровенно говорят о своих нуждах Белому Царю: *«Вот, як беленьки цвяточак, едзець Белы Руски Царь, / Наш бацюшка Гасударь, / Здравствуй, здравствуй вам рабята, здравствуй дети мае...»*. В песне пинчуков, зафиксированной Д. Г. Булгаковским, говорится: *«Из-за саду, из-за зеленого / Выкатилось солнце, то наш батюшка, / То наш білы царь, / За собою веде силушку / Нэ большую, нэ малую»* [23, с. 135]. В западнорусском фольклоре, отмечал Е. Ф. Карский, «белый царь», «белый Русский царь», «биларускай царь» (в смысле белый – светлый, ясный, свободный) занимает особое место: *«Биларускай царь всім царям ацец, / Іон дзяржыць веру хрысціянскую, / Хрысціянскую, багамольную, / Калі будзе время апаследняя / – Всі царі-караі к яму прыклонюцца»*. Рекрутская песня, записанная в XIX в. в деревне Мальцы Диснейского уезда Виленской губернии, практически идентична подобным же рекрутским текстам, зафиксированным в Орловской губернии: *«Дзеткі маі ўсе родныя, / Служкі маі ўсе верныя / Даі ідзіце-ж вы да в чыстае поле / Да выломце-ж вы да па прутыку, / Да вазміцеся на жэрабя – / Каторама выпадыць у салдаты іці. / Да і выпало самаму апаследняму»*. Героическая военная история России нашла отражение в историческом фольклоре белорусов, в том числе в песнях о татарском и турецком полоне. Е. Ф. Карский выделяет в белорусских солдатских исторических песнях целый ряд сюжетов, характерных в целом для русского фольклора. Не раз фигурирует «грап Паскевич», который командовал русскими войсками на Кавказе. В одном из текстов, имеющем аналогии в русском солдатском фольклоре [24, с. 310–314], говорится: *«Ай, да князь Паскевич генерал / по ўсёй варміі разьезжаў, / Его меч і булаў по ўсёй варміі бліцаў»* [24, с. 385].

Мотивы дезертирства солдат и офицеров польского и белорусского происхождения нередко трактуются в литературе как желание бороться «за нашу и вашу свободу». Анализ архивных дел фонда Черноморской береговой линии показывает, что часто причиной ухода в горы было вовсе не стремление «поддерживать освободительную борьбу горских народов», а проступки по службе, халатность, недовольство

тяжелыми условиями. Так, в объяснении вышедшего из гор бывшего рядового Мартына Фёдоровича Лапицкого (из помещичьих крестьян Минской губернии Десенского уезда села Ковкова помещика Демета) причины побега нет и намёка на осознанное желание «борьбы с царизмом»: «По прибытии в укрепление Геленджик в 1840 году и по замещении в 3 роту в одном из означенных выше батальонов я месяца через два бежал в горы без всяких побудительных к тому со стороны начальства причин, по одной моей глупости». На вопрос о возможном участии в акциях против русских войск Лапицкий категорично ответил: «Проживая в горах, я никакого противозаконного поступка сам не сделал и ни с кем другим в том не участвовал» [25, л. 44 об.].

Царские власти не препятствовали разжалованным в рядовые сделать в войсках Отдельного Кавказского корпуса военную карьеру. Так, Андрей Иванович Красовский, «из дворян бывшей Белостокской области», «за укрывательство по разным местам и имение у себя невольничьих революционных сочинений» был отдан в солдаты в Отдельный Кавказский корпус» [18, л. 127 об.]. При штурме и обстреле горцами Навагинского укрепления Красовский 15 августа 1841 г. с несколькими солдатами сумел заклепать 3 орудия, спрятанные черкесами, за что был награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени. За мужество при защите форта Головинского Красовский получил звание унтер-офицера [18, л. 133]. В январе 1849 г. «за отличие против горцев» Красовский получил чин прапорщика.

Батальонный адъютант подпоручик Франц Павлович Вояковский, из дворян Гродненской губернии, римско-католического вероисповедания, 34 лет, учился в Виленской медико-хирургической академии. 8 февраля 1839 г. «признан виновным в соучастии в возмутительном обществе между студентами этой Академии и прочими лицами, назначен в военную службу и определен в Отдельный Кавказский

корпус» [18, л. 129 об.]. В 1842 г. «за отличие против горцев произведен в унтер-офицеры, в 1843 г. «за отличие по службе произведен в прапорщики», в этом же году «за отличие против горцев произведен в подпоручики», имел знак военного ордена Св. Георгия [26, л. 129 об.]. Впоследствии дослужился до чина генерал-майора. Провиантмейстер штаба начальника Черноморской береговой линии штабс-капитан Андрей Николаевич Горегляд (в 1849 г. исполнилось 52 года) происходил из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания. По окончании уездного училища был определен на службу в канцелярию Подольского губернатора. В 1833 г. был «разжалован из коллежских регистраторов в рядовые без лишения дворянства впредь до отличной выслуги и определен в Отдельный Кавказский корпус по подозрению в списывании копий с секретных министерских бумаг о переселении шляхты на Кавказ, во время служения его в канцелярии Каменец-Подольского гражданского губернатора и переданных в сторонние руки» [27, л. 106 об.]. Воевал в Тенгинском пехотном полку, заслужил орден Св. Георгия, в 1841 г. «за отличие в делах против горцев произведен в офицеры» [27, л. 199 об.].

Заключение. Таким образом, участие белорусов в Кавказской войне было во многом связано с состоянием, которое часто называют «культурным билингвизмом». Служение интересам многонациональной империи ставило солдат и офицеров белорусского происхождения в положение связующего звена между Россией и родиной, а адаптация в местном этнокультурном пространстве вводила в среду особой общности «кавказцев». При этом восприятие друг друга двух восточнославянских народов обнаруживает не непроходимые барьеры, а стыковые зоны непростого, но благотворного общения, которое создавало условия для компромиссного существования в рамках единого государства.

Литература

1. Борисёнок Ю., Лобач В. Восточный сосед: образ русского в белорусской традиционной культуре // Родина. М., 2002. № 7. С. 143–146.
2. Насович І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 567 с.
3. Бентковский И. В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. Екатеринодар, 1881. С. 1–125.
4. Шкуро В. И. Второе пополнение Черноморского казачьего войска (1821–1825 гг.) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 64–85.
5. Шкуро В. И. Первое пополнение Черноморского казачьего войска малороссийскими казаками (1808–1811 гг.) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2. Краснодар: Картика, 2007. С. 90–94.
6. Самовтор С. В. Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска (1821–1826 гг.) // Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень. Випуск 4. Дніпропетровськ, 2008. С. 142–146.

7. Сазонова С. Е. Переселение украинского населения на земли Черноморского и Кавказского Линейного казачьих войск в 1848–1849 гг. // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 16. М.: Армавир, 2010. С. 154–159.
8. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. Составил Генерального штаба подполковник М. Домонтович. СПб., 1865. 670 с.
9. Колесников В. А. Былое Невинного мыса. К 185-летию переселения Хопёрского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской. Ставрополь: ЮРКИТ, 2011. 676 с.
10. Колесников В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М.: Изд. Надыршин А. Г., 2012. 352 с.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 173.
12. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 526.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 173.
14. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 526.
15. Белорусы. М.: Наука, 1998. 503 с.
16. ГАКК Ф. 396. Оп. 2. Д. 180.
17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 181.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 950.
19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 951.
20. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семён Эсадзе. Майкоп: Меоты, 1993. 120 с.
21. Семенцов М. В. Материалы к историческому природопользованию кубанских казаков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кубанский сборник. Т. III (24). Краснодар: Книга, 2008. С. 73–118.
22. Чернявская Ю. Белорусы: от «тутэйшых» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.
23. Булгаковский Д. Г. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обыряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. Т. XIII. Вып. 3. 200 с.
24. Карский Е. Ф. Белорусы. В 3 т. Минск: БелЭн, 2007. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 704 с.
25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 859.
26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 944.
27. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 95.

References

1. Borisyonok Yu., Lobach V. Eastern neighbor: the image of Belarus in the Russian traditional culture. *Rodina* [Homeland], 2002, no. 7, pp. 143–146 (In Russian).
2. Nasovich I. I. *Slounik belaruskay movy* [Belarusian vocabulary]. Minsk, Science and Technology Publ., 1983. 567 p.
3. Bentkovskiy I. V. Check Black Sea coast from 1792 to 1825. *Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti na 1881 god* [The memorial book of the Kuban region in 1881]. Ekaterinodar, 1881. P. 1–125.
4. Shkuro V. I. The second replenishment of the Black Sea Cossack Army (1821–1825). *Osvoenie Kubani kazachestvom: voprosy istorii i kul'tury* [Development of Kuban Cossacks: questions of history and culture]. Krasnodar, 2002. P. 64–85.
5. Shkuro V. I. The first replenishment of the Black Sea Cossack Little Russian Cossacks (1808–1811). *Kuban' – Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [Kuban-Ukraine: issues of historical and cultural interaction. Vol. 2]. Krasnodar, Kartika, 2007. P. 90–94.
6. Samovtor S. V. Resettlement Committee of the Black Sea Cossack Army (1821–1826). *Kozatska spadschina. Almanac Institutu suspilnih doslidzhen. Vip. 4*. Dnipropetrovsk, 2008. P. 142–146.
7. Sazonova S. Ye. Relocation of the Ukrainian population to the lands of the Black Sea and the Caucasus Line Cossack troops in 1848–1849. *Voprosy yuzhnorossiyskoj istorii* [Questions of South Russian history. Vol. 16]. Moscow, Armavir, 2010. P. 154–159.
8. Domontovich M. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Chernigovskaya guberniya. Sostavil General'nogo shtaba podpolkovnik M. Domontovich* [Materials for Geography and Statistics Russia collected by officers of the General Staff. Chernigov province. Of the General Staff, Lt. Col. M. Domontovich]. St. Petersburg, 1865. 670 p.

9. Kolesnikov V. A. *Byloe Nevinnogo mysa. K 85-letiyu pereseleniya Khoperskogo kazach'yego polka na kuban' i Kumu i osnovaniya stanitsy Nevinnomysskoy* [Past Cape innocent. By the 185 th anniversary of resettlement Hopërskogo Cossack regiment of the Kuban and the Kuma and the grounds of the village Nevinnomysskaya]. Stavropol', YURKIT Publ., 2011. 676 p.
10. Kolesnikov V. A. *Stanitsy Stavropol'ya. Istoriko-statisticheskiy i toponimicheskiy spravochnik (poslednyaya tret' XVIII v. – 1917 g.)* [Villages of Stavropol. Historical and statistical and toponymic reference (the last third of the XVIII century – 1917)]. Moscow, Nadyrshin A. G. Publ., 2012. 352 p.
11. State Archives of the Krasnodar Territory (SAKT). Fund 396. I. 2. F. 173.
12. SAKT. Fund 318. I. 1. F. 526.
13. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 173.
14. SAKT. Fund 318. I. 1. F. 526.
15. Belarusians. Moscow, Nauka Publ., 1998. 503 p.
16. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 180.
17. SAKT. Fund 396. I. 2. F. 181.
18. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 950.
19. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 951.
20. Esadze S. S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoy voyny. Istoricheskiy ocherk Kavkazsko-gorskoy voyny v Zakubanskom krae i na Chernomorskom Poberezh'ye. Sostavil polkovnik Semyon Esadze* [Conquest of Western Caucasus and the end of the Caucasian War. Historical Sketch of the Caucasian highlanders, the war in Trans-Kuban region and the Black Sea coast. Compiled by the Division of Military History Colonel Simon Esadze]. Maikop, Meotians Publ., 1993. 120 p.
21. Sementsov M. V. Materials for the historical Environment Kuban Cossacks (second half of XIX – early XX century). *Kubanskiy sbornik* [Kuban collection]. Vol. III (24). Krasnodar, Kniga Publ., 2008. P. 73–118.
22. Chernyavskaya Yu. *Belorusy: ot «tuteyshikh» k natsii* [Belarusians from “tuteyshyh” to the nation]. Minsk, Ainform Publ., 2010. 512 p.
23. Bulgakovskiy D. G. Pinchuk. Ethnographic collection. Songs, riddles, proverbs, rituals, omens, superstitions, beliefs, superstitions and the local dictionary. Gathered in Pinsk district of Minsk province D. G. Bulgakovskiy. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the department of ethnography]. St. Petersburg, Vladimir Bezobrazov Printing and Comp, 1890. Vol. XIII. Issue 3. 200 p.
24. Karskiy Ye. F. *Belorusy* [Belarusians]. In 3 vol. Minsk, BelEn Publ. 2007. Vol. 3. Essays tribe Belarusian literature. 704 p.
25. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 859.
26. SAKT. Fund 260. I. 1. F. 944.
27. SAKT. Fund 260. I. 2. F. 95.

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveev Oleg Vladimirovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of Russian History. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vim12@rambler.ru

Поступила 30.03.2017